

20 января 1990 года — скорбная дата азербайджанского народа

20 января 1990 года после полуночи в Баку вошли войска, переброшенные из других регионов бывшего союзного государства. Ввод войск был осуществлен без согласования с Президиумом Верховного Совета Азербайджанской ССР, то есть были нарушены конституции СССР и Азербайджанской ССР, а также Конституционный закон о суверенитете республики. Чрезвычайное положение в Баку было введено на основе Постановления Президиума Верховного Совета СССР 19 января 1990 года и публично объявлено спустя 7 часов после ввода войск, без официального согласия Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Ввод боевых частей в столицу Азербайджана обернулся трагедией: гибелью сотен ни в чем не повинных людей разных возрастов и национальностей. Именно в эту черную январскую ночь Азербайджан открыл счет шехидам-патриотам, отдавшим жизни за национальную честь и справедливость.

Да, 20 января 1990 года в одностороннем порядке началась настоящая война против безоружного гражданского населения Баку. Советские войска общей численностью более 40 тысяч человек вторглись в Баку. Захват города осуществлялся под личным командованием министра обороны СССР Язова, войсками МВД и КГБ СССР, регулярными частями советской армии и ВМФ с применением тяжелой военной техники, вертолетов и военных кораблей.

Движение частей сопровождалось обстрелом случайных людей, автомашин, попадавших на пути следования. К полуночи, до вступления в силу указа Горбачева и введения в Баку чрезвычайного положения, уже были убиты девять человек.

Только в семь часов утра 20 января было официально объявлено о введении чрезвычайного положения и установлении комендантского часа. К этому моменту уже были убиты 82 человека и смертельно ранен 21 (они скончались в больницах).

20 января по республиканскому радио передавалось обращение председателя Президиума Верховного Совета Азербайджана Эльмиры Кафаровой, выразившей гневный протест против зверств военных и введения в Баку чрезвычайного положения. Это обращение полностью опровергло предмет и основание указа М.Горбачева от 19.01.90 о якобы «попытках организации массовых беспорядков и государственного переворота».

«...То, что происходит сегодня на нашей земле, это не вандализм, мы — не варвары! Наш народ поднялся на защиту своих суверенных прав, своей свободы и независимости. Вы, представители русского народа, наши братья, неужели вы не видите, что вас направили с подлой миссией палачей?!» — этими словами встречали советскую армию.

Человек сам выбирает свои поступки, несет ответственность за развитие своего сознания, души. Майор Виктор Трофимов, заместитель комбата Свердловского гарнизона, отказался быть в специальном подразделении, сформированном для отправки в Баку. Через две недели, не дав ему дослужить до пенсии полтора года, его уволили из армии «за дискредитацию высокого звания советского офицера». Остальным, кто согласился, нравилось быть палачами: Тбилиси, Баку, Вильнюс, Рига; зверь, раз, попробовавший человеческой крови, становится людоедом. А тогда, 20 января, бакинцы никак не могли поверить, что патроны — боевые, почему-то они надеялись, что холостые...

Мамедов Рафик Керим оглу

Баку, пр. Кирова, родился в 1944 году, женат, 7 детей, азербайджанец, имеет высшее военное образование, капитан 2-го ранга в отставке

«Р.Мамедов обратился с заявлением о событиях ночи 19/20 января в Отдел внутренних дел Наримановского р-на г. Баку.

Опрос Р.Мамедова 22 января 1990 г. ведет помощник прокурора Наримановского района Мамедов.

Вечером 19 января Р.Мамедов поехал в аэропорт встречать сына, который должен был прилететь из Куйбышева. По дороге видел группы беседующих людей. Примерно в 12 часов ночи в районе аэропорта увидел трассирующие пули. Через 10 минут в медпункт аэропорта привезли двух раненых. Пули были разрывные, стреляли из автомата Калашникова. Один был ранен в бок и «уже кончался», другой (Рахман) был ранен в плечо (его отправили в больницу). Рахман попросил помочь тем, кто был ранен там же, где и он. Поехали к пос. Бина, впереди увидели костер из покрышек. Видел, как военные в упор стреляли в людей. Видел, как раненых бросали в канал, давили гусеницами. Видел также, как раненых добивали лопатками и бросали в костер. Р.Мамедов видел, как в одного человека была пущена автоматная очередь, после чего (он был еще жив) один из солдат, «здоровый детина», бросил его в канал, нанеся раненому удар лопаткой.

На вопрос помощника прокурора Р.Мамедов заявил, что недалеко от пос. Бина, на пикете не было никакого оружия, даже палок не было. Рядом стояли машины — КРАЗы, самосвалы. Никаких противоправных действий пикетчики не совершали. Не было никакого сопротивления. Со стороны военных

отсутствовали какие-либо предупреждения, сразу была открыта стрельба.

Р. Мамедов видел, как танки, двигавшиеся в сторону города, смяли машины. Один танк наехал на встречные «Жигули», а второй — раздавил другую машину «Жигули», которая разворачивалась. Впереди колонны танков не было патрульных машин. Солдаты были лет тридцати-тридцати пяти. «Сели на попутную машину, в Мардакяны не пустили. Вернулись в аэропорт. Встретил сына. Самолет прибыл в 2 часа 55 минут по московскому времени. Всех задержали в аэропорту до 8 часов утра (до окончания комендантского часа, как заявили военные)». Как военный специалист, Р.Мамедов отмечает, что стреляли как из автоматов Калашникова, так и из станковых пулеметов Калашникова».

Заявление

Аббасова Аббаса

Баку, пос. Бина, ул. Хагани, больница пос. Мардакян:

«Вечером 19 января я шел домой, возле дороги пос. Бина увидел скопление людей, подошел к ним. Когда разговаривал с ними, увидел, что едут танки. Неожиданно по стоявшим стали стрелять из автоматов, меня ранили в ногу. Когда они подошли, я, пожилой человек, перенесший два инфаркта, стал просить у солдат помощи, они подошли и стали бить меня ногами, потом повернули лицом к земле и обыскали. В мучениях я был доставлен жителями поселка Бина в больницу».

Заявление

Алиева Надира

Баку, пос.Бузовна (дорога в аэропорт), больница пос.Мардакян:

«19 января я с двоюродным братом ехал в аэропорт. Между 12 часами и часом ночи по дороге начался обстрел. Я — свидетель того, как солдаты стреляли в спины бежавших по дороге людей, как кололи штыками тех, кто уже был в агонии. Я забыл выключить фары машины и, когда они подбежали, хорошо рассмотрел лица солдат: они были очень рослые, с длинными волосами, усами, бородами, не как положено солдатам, но они были в военной форме. Вся наша машина была пробита пулями. В меня попали четыре пули, три — рядом с печенью, одна — подкожно. Со мной в реанимации лежал парень, Фуад, 22 года, из пос.ГРЭС, он был ранен пулей, и солдаты кололи его штыком, через два часа он умер. Там, на дороге, в ту ночь я видел, как в мертвого всадили пули от целого «магазина».

Балагусейн Мир-Казыб оглу

Баку, пос. Новые Сураханы, ул. Октября, 61 год, водитель:

«19 января отвел машину и пришел домой. Жена сказала, что дети стоят на дороге, пошли посмотреть на танки. Уже было поздно, и я пошел за детьми, отослал их домой, а сам остался стоять у Нового Сураханского круга (не доезжая до аэропорта). Число людей, стоявших там, менялось, но в среднем было около пятидесяти. Это были люди из поселка, стоявшие с «голыми руками», посмотреть. Неожиданно раздались звуки стрельбы, народ побежал с криками: «Стреляют!» Я тоже побежал, одна пуля угодила мне в поясницу и вышла в области живота. Был в реанимации десять дней. Соседа убило на месте, на дороге».

Мамедов Асиф Гумбат оглу

Баку, ул. Фабрициуса, водитель в таксомоторном парке, 1966 года рождения:

«В ночь с 19 на 20 января я находился возле Сальянских казарм, это на Тбилиском проспекте. Мы стояли и смотрели. Вдруг без всякого предупреждения в нас стали стрелять, мы побежали. Но дорогу перекрыли солдаты с дубинками и щитами, они начали нас бить и пинать.

Мы побежали обратно, в нас снова стали стрелять, меня ранило и моего друга тоже. Мне пуля попала в бедро правой ноги. Я ползком добрался до гаража, хотел спрятаться. Машину «скорой помощи», пытавшуюся к нам подъехать, солдаты обстреляли, и там кого-то убило, машина развернулась и умчалась. Раненых, которые не спрятались, солдаты добивали. Я ползком добрался до жилых зданий. Женщины, живущие там, подобрали меня и оказали первую медицинскую помощь. Как оказался в больнице, не помню, потерял сознание».

Амирюсифов Иmdat Мансур оглу

Баку, пос. Хутор, 9-й ряд, рабочий мебельной фабрики №31, 1961 года рождения:

«В ночь с 19 на 20 января я стоял у Сальянских казарм вместе с людьми. Вдруг стали стрелять, мы побежали, но там были солдаты со щитами и били дубинками, все побежали, кто куда может, снова стреляли, я побежал по одной улице, но вдруг там увидел танки, в этот момент я не мог стоять, меня ранило в обе ноги. Я начал отползать в сторону жилых домов, потом незнакомые мне люди подобрали меня и отвезли окольными путями в больницу».

Гасанов Руфат Джеваншир оглу,

Студент V курса Азербайджанского технологического института:

«Я гостил у брата в пос. Мусабекова (Баку). Услышав выстрелы и шум танков, пошли к площади XI Красной Армии и там точно увидели танки, на каждом было по 6—7 человек с автоматами. Когда до людей осталось метров 150, они сначала постреляли в воздух и потом сразу же, мы не успели убежать, стали стрелять в нас. Люди, их было много, побежали, я хотел спрятаться в кустах, но не смог. Меня ранило в обе ноги, кто-то привез меня в больницу, но там был выключен свет, и врачи оказывали мне помощь при свечах».

Адыширинов Видади Тазахан оглу

Баку, 7-й микрорайон, 1966 года рождения:

«19 января я был с людьми на улице Чапаева, мы услышали, как со стороны Сальянских казарм идет стрельба, потом оттуда побежали люди. Вдруг прямо на нас пошли танки, из них стали стрелять, потом побежали солдаты. Я спрятался в кабину МАЗа. Пуля, пройдя через боковое стекло, попала мне в левое бедро, другая скользнула вдоль руки. Я выполз из кабины и спрятался за колесом. Я пополз к жилым домам, натолкнулся на человека, лежащего без сознания, он стонал. Мне пришлось потащить его тоже к людям. Люди отнесли меня в квартиру, потом вынесли к машине «скорой помощи». По дороге в больницу ее обстреливали, все стекла были разбиты».

Логманов Ровшан Талиб оглу

Баку, пос. Второй Забрат, ул. Пушкина:

«В ночь с 19 на 20 января я стоял с группой людей на Сабунчинском круге, подъехала какая-то машина. Сидящие там сказали, чтобы мы не стояли, так как по дороге движутся танки и убивают всех. Услышав в стороне аэропортовской дороги выстрелы, пошел туда, хотел помочь раненым. Со мной пошли человек семь. Примерно в районе Амираджанского круга, недалеко от асфальтобетонного завода, стояли «Жигули», все в следах от пуль. В машине был один раненый и один мертвый, мы хотели их вытащить. Но появились солдаты, одетые как пехота, и не разрешили нам это сделать. Вдруг подъехали танки, один прямо на ту машину, мы побежали, в нас стали стрелять. Мы все упали, но раненых было трое, мы ползком оттащили их за деревья, потом понесли в сторону центра. Через полчаса навстречу ехала «скорая», там уже был один легкораненый, мы погрузили наших раненых, машина уехала в больницу. Врачи говорили, что нужна кровь. Мы уже далеко от этого места остановили автомашину ГАЗ-24 и поехали в Сабунчинскую больницу, чтобы сдать кровь для переливания раненым. Военные, стоявшие у входа, нас не пустили. А офицер, капитан, закричал: «Молчи, сука, застрелю, как собаку». Мы уехали».

Адилов Муса Рамазан оглу

Баку, пос. Сураханы, 14-й промысел, тридцать один год:

«В ночь на 20 января на машине «Москвич» заехал за друзьями, отвезти их в аэропорт. Примерно в час ночи заметили на дороге между Комсомольским и Сураханским кругами, примерно в ста метрах солдат и за ними — машину.

Они были с автоматами и вышли на дорогу из-за елок. Я сразу же стал разворачивать машину. Но по нам стали стрелять, мне попали в спину. Я сначала не понял, метров через триста остановился автоматически, больше ничего не помню».

Ильдримова Нушаба Кафар гызы

Баку, Вторчермет, ул. Хулуфлу:

«Ночью в половине второго услышала шум, пошла к дверям, чтобы посмотреть, что это такое. Видела красные следы по небу (трассирующие пули). Впереди на мосту видела танки, и от них шли эти «следы». От моста до моего дома примерно 120 метров. И соседи, и я смотрели с удивлением: «Война, что ли?» На мосту и рядом не было никого, только я и соседи переговаривались. Вдруг меня как будто током ударило, смотрю — рука в крови, потом болеть стала, я побежала к соседям, они отвезли меня в больницу. По дороге, где наши дома, люди во дворах бегали и кричали, что здесь убили пулями с моста».

Гусейнова Назпери Ибрагим гызы

Баку, ул. Шмидта, 1935 года рождения:

«Ночью на 20 января я спала дома, услышала выстрелы, проснулась. Внучка, ей шесть месяцев, стала громко плакать, я укутала ее и с ней спустилась во двор, где уже был мой муж, инвалид Отечественной войны. По разговорам узнала, что на нашей улице солдаты обстреливают окна. Вдруг солдаты зашли к нам во двор и стали стрелять. Все люди и я упали на землю, а там были все соседи, женщины, старики и дети. Много было раненых, потом мне сказали, и я увидела, что мой муж убит. Внучка была ранена пулей, которая попала в меня, а потом я была еще ранена в бедро левой ноги, солдаты много

стреляли. Я не помню, как меня привезли в больницу, соседи забрали внучку и тоже отвезли в больницу. Но там не было света, и меня осмотрели только через час, при свечах».

Прохоров Иван Павлович

Баку, Тбилисский проспект, шофер дежурной машины «Бакводопровода», 1933 года рождения:

«Я 19 января вышел на дежурство. Ночью после двенадцати часов мы ехали в 69-й резервуар (северный). Открыли воду для больницы «Скорой помощи». Выстрелы были слышны со всех сторон. Я, начальник дежурства и один рабочий работали в резервуаре, подключали. Нам надо было вернуться за одной деталью, рабочего мы оставили в резервуаре, а сами с начальником дежурства поехали на Мусабеева, где мы обычно дежурируем. Около Тбилисского проспекта увидели сильный свет фар, это оказался танк. Мы остановились, я дал знать, что мы работаем, не стреляйте! Я сел в кабину, как раздалась автоматная или пулеметная очередь. Я замер, но они снова стали стрелять уже в меня, пуля попала в левую ногу. Начальник отвез меня к забору. Потом танк уехал, не знаю, откуда появилась «скорая», она ехала, но мой начальник ее остановил. Внутри было много раненых, меня уже прямо впили туда».

Алекперов Нариман Мамедали оглу

Баку, 11-я Хребтовая, художник, 1958 года рождения:

«В ночь на 20 января я ехал на машине мимо таксомоторного парка, хотел отвезти детей к родителям, в их районе не стреляли, а у нас все время, по окнам. Вдруг я увидел два танка, один повернут в сторону памятника XI Красной армии, а второй поехал на большой скорости прямо на меня. Я остановил машину на обочине, и когда танк подъезжал, сам не знаю почему, закричал детям (13 и 15 лет), чтобы они бежали. Танк наехал на машину, я не успел выскочить, остался между двумя гусеницами, получил переломы, части машины врезались мне в тело. С другой стороны остановился РАФ, люди вышли из машины, они не могли понять, что происходит. Тогда танк развернулся и поехал на этот РАФ. Все побежали, из танка по ним стали стрелять. Мои дети, прятаясь на обочине, закричали, одному попала пуля в живот. Потом танк уехал, незнакомые люди доставили нас на машине ГАЗ-24 в больницу».

Бабаев Алмаз Хейрулла оглу

Баку, Азизбековский район, пос. Тюркан, водитель «скорой помощи»:

«На десятой подстанции «Скорой помощи» был сделан вызов сразу на много машин.

Впереди моей машины шла «Скорая», где был водитель Габиль Рагимов, там были врач и медсестра, а у меня только врач. Проехав Шувелян, мы должны были завернуть налево у Тюрканского поворота. Вдруг по машинам стали стрелять. Сначала я не понял и затормозил. Увидел, что возле заправки стоит танк, и из него стреляют. Стрельба велась из пулемета на башне танка трассирующими пулями. Оставляя красный след, он стрелял по первой машине Габилы. Потом, когда я снова поехал, стал стрелять по моей машине, врач был убит, пуля попала в боковое окно справа. Пуля вошла в верхнюю часть тела, доктор тут же согнулся, сказал «ой-ой» и больше не разговаривал. Я развернулся и помчался обратно, в больницу. Вслед стреляли. По дороге на подстанцию машина попала в яму с водой, мотор заглох, через некоторое время подъехал «Москвич», увидел, помог перенести убитого доктора, довез нас до подстанции. Убитого доктора звали Александр Мархевка».

Сафаров Кухбула Новруз оглу

Баку, 3-й Ясамал, 54 года, водитель 1-го класса «Скорой помощи».

Переводила Аразова Роза Бунятовна:

«Машина Сафарова «Скорая помощь» марки «Латвия-67». В ночь с 19 на 20 января Сафаров был на четвертой подстанции. В 00.10 поступил вызов в район метро «Иншаатчылар», сообщили, что там раненые. С подстанции (пос. Мусабеева, ул. Патриса Лумумбы) машина Сафарова проехала по Киевскому проспекту, улице Шарифзаде и вышла к метро. По дороге к метро Сафаров видел стреляющих солдат, некоторые из них стреляли с танков. Стрельба шла также из стволов танков. Люди прятались. Солдаты стреляли по улице Шарифзаде, скрываясь за деревьями. Шли три танка в ряд, стреляли из стволов орудий, а по бокам, также стреляя, шли солдаты. Мы свернули с улицы и «задами» проехали к метро. Человек, раненный в ногу, находился снаружи, у входа в метро. На лестнице в метро солдаты догоняли тех, кто бежал. Когда мы подошли поднять раненого, солдат оттеснил нас и выстрелил ему в голову. Он был пьяный, и мы испугались. Его увел другой солдат. Хотели забрать убитого, но люди сказали, что раз он мертвый, оставьте, помогайте другим раненым. Поехали вперед по дороге, подбирали раненых, всего подобрали шесть-семь человек — подбирали, отвозили, сдавали, было не до формальностей. Танки по улицам ездил так, что, не разбирая давили машины, поэтому «Скорая» ездил буквально по переулкам и «задами». На углу улицы Ахвердиева Сафаров своими глазами видел, как танк, предварительно обстреляв, наехал на «Жигули» желтого цвета, потом наехал на самосвал «ЗИЛ», шофер которого скончался на месте. Сафаров

видел на улицах и другие раздавленные машины: две «Волги», много «Москвичей». В районе Октябрьского суда и родильного дома №№6 по машине Сафарова открыли огонь. Когда Сафаров подъезжал к этому месту, увидел пятерых солдат, сбавил скорость и очень медленно поехал к ним. Стояли они возле забора, как бы спрятавшись. Сафаров включил мигалку, так как в машине были раненые. Солдаты стали стрелять по машине. Пришлось заехать во двор магазина «Чинар», женщина — врач Абдуллаева Ирада — была в крови. Сафаров вытащил ее, зашел в подъезд и постучал в дверь, которую открыли не сразу — боялись. Когда Абдуллаеву привели в чувство, оказалось, что она не ранена, а кровь от тех, кому она оказывала помощь в машине».

Мамедов Фарман Гусейн оглу

Баку, ул. Мухтадыра, начальник колонны во втором автопарке, 1951 года рождения:

«Вечером 19 января я проверял в автопарке машины и увидел, что их не хватает. Управляющий послал нас за машинами, чтобы они вернулись в гараж. Так как мой дом находится вблизи гаража, я и механик отправились ко мне поужинать. В начале десятого мы вышли из дома, моя маленькая дочка, 13 лет, попросила взять ее с собой. Я знал, где машина, поэтому думал, что вернемся быстро, взял ее с собой. Втроем мы поехали к зданию ЦК КП Азербайджана, сказал водителю, чтобы поставил машину в гараж. Вдруг один из наших автобусов подъехал сюда, он «левачил», мы втроем сели, завезли механика домой, и мы с дочкой тоже поехали домой. У станции метро «Гянджлик» проголосовали люди, мы остановились, чтобы их забрать. На улице Чапаева внезапно выскочившие на дорогу солдаты стали стрелять по автобусу, автобус завилал, но остановился. Солдаты стреляли в упор, моя девочка оказалась убитой. Также были убиты водитель и те, кто сидел впереди. Я был ранен в ногу... не могу больше говорить...»

Мамедов Ильгар Мовсум оглу

Баку, ул. Инглаба,

14 лет, школьник. После всего увиденного и испытанного отказывается говорить по-русски: перевод медсестры в 5-й городской больнице:

«Около 23 часов возле метро «Гянджлик» стояли люди, ждали попутного автобуса. Сели в него, так там оказалось около двадцати человек. На автобусе значилось, что он 39-го маршрута. В автобусе ехала девочка с отцом, остальные пассажиры были мужчины. Мамедов сидел на третьем сиденье в ряду за водителем, девочка сидела непосредственно за кабиной водителя. Мамедов не знал, что в город прибыли войска, ничего особенного внутри автобуса или на нем не заметил, обыкновенный «Икарус» желтого цвета. В автобусе — примерно половина людей сидела, половина стояла. Были свободные места, свет горел неярко, тускло. Вдруг началась стрельба, автобус остановился, потом снова стреляли. Солдат подошел к автобусу, потом и другие солдаты, разбили переднюю дверь, сказали: «Выходите, руки вверх». Солдаты брали каждого выходящего за «шкирку» и бросали на землю. Практически все были или убиты, или ранены, весь автобус был в дырках от пуль. Солдаты всем раненым сказали, что если кто поднимет голову, то «пришибут». Когда Мамедова вытаскивали из автобуса, то солдат стал бить его прикладом, тот упал, солдат обыскал его карманы: там были ключи от квартиры, жвачка. К нему присоединились другие солдаты и стали бить Мамедова по спине, голове, всему телу. Нанося удары, ругались матом, никаких осмысленных слов не произносили, только ругались насчет «черномазых». Придя в себя, Мамедов увидел, что лежит на асфальте, там, где брошены были мертвые, он отполз, потом помнит, что его уже везли в больницу».

Шукюров Ризван Гулам оглу

Баку, 8-й микрорайон, 1953 года рождения:

«В половине одиннадцатого или около одиннадцати вечера я ожидал попутный автобус возле метро «Гянджлик». Подошел «Икарус», люди в него сели и поехали. На улице Чапаева вдруг стали стрелять в автобус. Кто-то кричал: «...пули, наверное, холостые», — потом этого человека тяжело ранило, меня тоже ранило в ногу. Солдаты стреляли в тех, кто выходил из автобуса, они ругались матом и говорили, что нам, «черномазым», покажут. Водитель автобуса и другие были убиты, но ужаснее всего была смерть девочки лет двенадцати в красном клетчатом пальто. Когда солдат зашел в автобус и увидел труп девочки, он пнул его ногой и сказал: «Сучка». Люди в автобусе кричали, плакали, солдат заставил меня выйти из автобуса, я не мог, нога «висела», не работала (три пули попали в ногу, были переломаны кости). Меня вытолкнули из автобуса, я упал на раненую ногу и потерял сознание, очнулся по дороге в больницу».

Керимов Гелбинур Фиридун оглу

1974 года рождения:

«В три часа дня 20 января я и друг Рауф вышли на улицу Советская, недалеко от Статистического управления, мы шли к нему домой, у нас оставаться было страшно. Ночью шальная пуля залетела в окно и ранила брата Рауфа. Мы уже подходили к дому, когда из-за угла вышли четверо солдат. Они были пьяные, раздели нас, куртки забрали, мы побежали, а они стали вслед стрелять. Пули попали мне в левое плечо, в

верхнюю часть правой ноги, задев мочевой пузырь. Я упал, сначала было не больно, не понимал, что со мной. Солдаты подошли, и один замахнулся штыком. Я закричал, закрыв лицо руками, но солдат меня не заколол почему-то, ушел. Рауф помог мне, остановил машину, и меня отвезли в больницу. Рауфу пуля оторвала кусочек уха».

Гасанова Франгиз Биалал гызы

Баку, проспект Строителей:

«24 января после часа дня, примерно в 13.30, с крыши соседнего дома стали стрелять по неврологической детской больнице. Не знаю, что это было — или автомат, или пулемет. Стреляли примерно час, с короткими остановками. Еще до этого из больницы были выписаны легкие больные, остались те, кого никак нельзя выписать, с детским церебральным параличом, с хореей и другими тяжелыми заболеваниями. Когда начался обстрел, врачи, медсестры, родственники схватили детей и ползком стали тащить их в подвал. Чудом никто не пострадал, потому что окна были высоко от пола».

Сафарова Севиндж Джаваншир гызы,

сотрудница регистратуры Клинической больницы «Скорой медицинской помощи»:

«19 января я была на дежурстве и находилась в здании больницы. Около 12 часов ночи стали поступать первые раненые. Через некоторое время раненых привозили сплошным потоком. В отделении находились 3 хирурга и 2 медсестры. Все были в растерянности, никто не знал про русские войска. Я обзвонила всех хирургов и попросила прийти на работу. Со всех сторон слышались стоны, крики, было много крови. Часа в два ночи отключили электроэнергию, и света не стало. На помощь пришли студенты-медики, они все прибежали, жгли газеты, кто-то нашел свечи, так и делали операции. Все операционные были заполнены, но поток продолжался. Возле больницы стояли солдаты и не разрешали выходить на улицу. Они стреляли в врачей! Никогда не забуду смерть двоих детей — четырнадцати и девяти лет, а еще одного привезли с ранением в живот, он тоже умер. В ту ночь в течение только одного часа поступили сорок два трупа».

Алиева Окума Али гызы,

старшая медицинская сестра II хирургического отделения Клинической больницы «Скорой медицинской помощи»:

«Ночью на 20 января, узнав о том, что происходит, пришла в больницу. Я не поверила своим глазам, освещение было отключено. Все медицинские работники держали в руках газеты, свечи. Большинству поступивших раненых не удалось оказать помощь из-за отсутствия света. Очень многие скончались от потери крови, запасов не было, без света невозможно было делать переливание. В три часа ночи была открыта стрельба по тем машинам «Скорой», которые привозили раненых, были убиты несколько врачей. Водители рассказывали, что солдаты не разрешают забирать раненых и трупы. Шли солдаты, а за ними следовали крытые машины, солдаты подбирали раненых и трупы, несмотря на то, кто из них мертвый или живой, бросали в машины и куда-то увозили, где-то их, наверное, закапывали».

Кялим Керимов,

школьник:

«20 января, после обеда, около 16 часов мы с другом гуляли по парку, там фонтан не работал, мы стояли и смотрели. Вдруг я услышал выстрелы и упал, сам не знаю, почему». Кялим был доставлен в больницу с диагнозом проникающее огнестрельное ранение брюшной полости с повреждением мочевого пузыря, сквозное ранение грудной клетки. А его друг был убит.

Погибших хоронил весь Баку... Позже выяснилось, что в близлежащих к столице районах тоже были жертвы. В общей сложности в результате ввода советских войск в Баку и районах республики были убиты свыше 170 человек, ранены свыше 800 человек, незаконно арестован 841 человек и сотни людей пропали без вести. Военнослужащими были разгромлены и сожжены более 200 домов и квартир, не менее 90 автомашин, в том числе 7 карет «Скорой помощи», уничтожено государственное и личное имущество на общую сумму свыше шести миллионов советских рублей. А как подсчитать утраченное здоровье людей в результате полученного общенационального стресса от событий Черного января?

Неизвестно, как после всего произошедшего повернулась бы история Азербайджана, но в тот страшный момент Гейдар Алиев в Москве самоотверженно встал на защиту своего народа.

«21 января Гейдар Алиев пришел в Постоянное представительство Азербайджана в Москве и открыто обвинил центральную власть, Горбачева, Коммунистическую партию. Он открыто заявил, что против азербайджанского народа совершено преступление», — говорил в своем выступлении Президент Азербайджана Ильхам Алиев на вечере памяти, посвященном 85-летию юбилею общенационального лидера азербайджанского народа.

Выступление Гейдара Алиева в Постпредстве Азербайджана, интервью, которые он в те дни дал

зарубежным журналистам, по сути, учитывая его номенклатурный вес, были беспрецедентно смелым шагом, на грани самопожертвования. Фактически, слово Гейдара Алиева было единственным оружием обороны, защищающим азербайджанский народ от ярлыков погромщиков и убийц, «кровожадных исламистов», ранее навешанных советской и зарубежной прессой.

Гейдар Алиев был принципиальным человеком, настоящим патриотом, обладал железной волей. Находясь на пенсии, испытывая постоянное давление, находясь под контролем Горбачева, любой другой человек, возможно, подумал бы о собственной безопасности.

Но для Гейдара Алиева главными были интересы азербайджанского народа, и он не мог вынести несправедливости, не смог вынести преступления, совершенного против его народа.

Гейдар Алиев возвысил свой голос, который был услышан во всем мире. Органы печати всего мира распространили его выступление на пресс-конференции в Постоянном представительстве Азербайджана в Москве, и только таким образом эти события получили всемирную огласку, а иначе Советский Союз, как закрытое государство, сумел бы в значительной степени скрыть эти события.

С тех трагических январских дней Азербайджан стал совсем другим государством, — он начинал свой трудный путь к реальной независимости, новой политической системе, возрождению экономики и процветанию.

**Татьяна Чаладзе,
заслуженный журналист Азербайджанской Республики**